

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ЧАСТЬ I.

ШАХМАТНЫЙ КОРОЛЬ

1. ДЕБЮТ 19

2. МИТТЕЛЬШПИЛЬ 43

3. ЭНДШПИЛЬ 94

ЧАСТЬ II.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

4. ВЕРСИИ СМЕРТИ 157

5. ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ 189

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 216

БИБЛИОГРАФИЯ: 220

ВВЕДЕНИЕ

Эта повесть адресована не только шахматистам, читатель не найдет в ней ни одной шахматной нотации, ни одной партии, сыгранной Алехиным, подробно разобранной и представленной схематически. Повесть предназначена для всех, кому небезынтересна судьба великого соотечественника, во многом трагическая и загадочная. Именно в загадках, которыми окружены жизнь и смерть гениального маэстро, мы и попытаемся разобраться на этих страницах.

Разного рода странности и недоразумения, окружившие имя шахматного короля, дали основания для появления нелепых измышлений и необоснованных порой упреков в адрес Александра Алехина. Даже смерть его сделалась поводом не только для толков и домыслов, но и для взаимных нападок и обвинений исследователей его творчества и биографии. Разобраться в нагромождении домыслов — вот главная цель этой повести. Собрав воедино множество разрозненных фактов, попытаемся указать на скрывающие истину противоречия и, по возможности, сорвать покровы таинственности, брошенные рукой недобросовестных исследователей на память русского гения.

Мы рассмотрим все, что на сегодня известно и доступно. Мы слушаем очевидцев и свидетелей и только потом попробуем сделать выводы, избегая беспочвенных фантазий и необоснованных утверждений. Наша задача — постараться восстановить истину или хотя бы приблизиться к ней.

Когда 24 марта 1946 г. примерно в 11 часов утра официант по имени Иво в сопровождении мальчика-гарсона, чье имя история не сохранила, повернул ключ в двери комнаты № 43 отеля «Парк» в португальском Эшториле, никто из них не знал, что с этого дня их город станет известен всему миру как место упокоения великого Александра Алехина.

Слово «великий» применительно к Алехину (именно так — через «е», на чем настаивал сам гроссмейстер) — это вовсе не преувеличение и не восторженное сотрясение воздуха. Всемирно признанный шахматный гений, выдающийся игрок и шахматный писатель, непревзойденный аналитик и комментатор, единственный чемпион мира, умерший непобежденным — Александр Александрович Алехин является национальным достоянием России. Помимо прочих заслуг, Алехин наряду с М. И. Чигориным, которого чемпион мира лично не знал, но считал своим учителем, стал создателем русской шахматной школы, традиции и принципы которой получили всестороннее развитие в Советском Союзе. Именно Алехин, заявивший, что шахматы для него — не игра, но искусство, не просто развил идеи М. И. Чигорина, но и прославил русскую шахматную школу, отличавшуюся от прочих активным неприятием шаблонов и отноше-

нием к шахматам как к творческому процессу, когда красота и нетривиальность партии ставится выше победы как таковой.

Современники Алехина предсказывали скорое умирание шахмат как исчерпавшей себя игры. Точнее, исчерпавшей себя считалась шахматная теория. Для предотвращения этой смерти предлагалось даже изменить правила. Так, Эм. Ласкер уверял, что шахматы ограничены, что однажды все шахматные комбинации будут познаны, а массы любителей приобщатся ко всем тайнам игры. И вот тогда-то развитие шахмат закончится. Ласкер, а за ним и Х. Р. Капабланка заговорили о «ничейной смерти» шахмат, о необходимости пересмотра правил.

Но именно против такого преклонения перед теорией, перед уже прописанными и не раз игранными партиями, восставала русская шахматная школа в лице Чигорина и Алехина. «Ибо что такое «теоретическое» в шахматах, — восклицал Чигорин, — как не то, что можно встретить в учебниках и чего стараются придерживаться, раз не могут придумать чего-либо более сильного или равного, самобытного». Ему вторил и Алехин, осуждая пренебрежение к интуиции, к фантазии — к тому, что превращает шахматы в подлинное искусство, в творческий акт, без чего шахматы действительно мельчают. Но если Чигорин не сумел добиться наивысших шахматных результатов, если, оставаясь неподражаемым художником, автором красивых комбинаций и глубоких замыслов, он не обладал выдержкой и характером, необходимыми для побед в серьезных соревнованиях, то Алехин был признан и как художник, и как боец.

В противовес тем, кто находил удовлетворение исключительно в победе как таковой, Алехин видел цель игры в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматы вровень с другими искусствами. Но, как всякий гений, он стремился к гармонии и мере, отнюдь не предлагая полностью заменить расчетливость фантазией, но стараясь уравновесить одно другим. Его стиль характеризуется именно борьбой расчетливости с фантазией и фантазии с расчетливостью. Избыток как одного, так и другого он считал вредным и разрушительным. Эти качества влекут шахматиста совершенно в противоположных направлениях, а потому, по утверждению Алехина, «должны быть приведены в гармонию рассудочным здравым смыслом». И хотя он сетовал, что в его собственном случае фантазия действует более интенсивно и более властно, чем расчетливость, он сумел ее укротить и прийти к гармонии, необходимой для творчества и сопутствующей гению.

Пока шли рассуждения о «ничейной смерти» шахмат, вдруг появился Алехин с блестящими, оригинальными композициями, опровергая практикой теорию и доказывая, сколько еще возможностей и тайн хранят шахматы. Даже в упрощенных позициях он являл неожиданные идеи, тем самым раздвигая границы теории и оживляя умирающую, казалось бы, игру.

Настоящее страдание испытывал он, сталкиваясь с иным, отличным от своего подходом, с иным отношением к шахматам, когда его собственная фантазия оказывалась скованной фантазией противника, не слишком заботившегося о красоте партии, о созда-

нии подлинного произведения. «Я был бы счастлив, — уверял Алехин, — творить один, без необходимости, как это случается в партии, сообразовывать свой план с планом противника, чтобы достичь чего-нибудь, представляющего ценность». Но играть приходилось с разными людьми, проявляя интуицию и фантазию, создавая на шестидесяти четырех белых и черных квадратах все новые произведения шахматного искусства, опровергая исчерпаемость и ограниченность шахмат, доказывая зависимость шахматного развития только от человеческого гения. Таким и вошел он в историю мировых шахмат.

В шахматных кругах не раз предпринимались попытки назвать лучшего шахматиста за всю историю шахмат. Для этого проводились опросы гроссмейстеров и любителей, сравнивались качество, стиль игры, спортивные достижения и вклад в развитие шахматного искусства и шахматной мысли. И вот, неоднократно величайшим шахматистом был назван Александр Алехин. В 1929 г. опрос редакторов шахматных изданий Европы и Америки показал: первое место в десятке сильнейших шахматистов мира занял Алехин. В 1970 г. участников международного матча в Белграде попросили ответить на тот же вопрос. Ответ был таким же. В 1991 г. югославский гроссмейстер М. Матулович провел исследование с целью назвать лучшего игрока, чемпиона всех времен и народов. Матулович рассматривал по двадцать партий разных игроков, обращая внимание на матчи за звание чемпиона мира, отборочные матчи за право играть с чемпионом, победы в крупнейших международных соревнованиях, баллы и рейтинг. Первое место

по результатам работы Матуловича занял Алехин, за ним расположился Капабланка, третье место досталось Эм. Ласкеру. Сам Матулович назвал Алехина «гениальным в комбинациях, родоначальником игры, которая держала публику в не меньшем напряжении и удовольствии, чем футбольный матч».

Современники Алехина, его противники за шахматным столом, не всегда симпатизирующие ему в жизни, единодушны в оценке его мастерства и таланта. С Капабланкой Алехин подружился в юные годы, но со временем отношения двух гроссмейстеров испортились настолько, что, по воспоминаниям жены Капабланки Ольги Евгеньевны, первые слова, услышанные ею от мужа, когда она приехала в Ноттингем в 1936 г., были: «Я ненавижу Алехина». В одном из писем Капабланка уверял, что может порассказать об Алехине «такие вещи, что, если это правда, вы с трудом сможете в них поверить». Но несмотря на возросшую неприязнь, Капабланка держался того мнения, что Алехин «...по общему развитию значительно превышает уровень среднего человека. По-видимому, он обладает наиболее замечательной шахматной памятью, какая имела когда-либо место в действительности. Говорят, что он помнит наизусть все партии, игранные за последние 25—30 лет клубными игроками первой категории или маэстро. Одно не подлежит сомнению, что все партии, когда-либо игранные первоклассными маэстро, он действительно знает наизусть. <...> В так называемых сеансах одновременной игры не глядя на доску, Алехин не имеет себе равных среди мастеров прошлого и настоящего. <...> Подражать ему в этой

области абсолютно невозможно. Для этого нужно иметь его изумительную шахматную память в соединении с колоссальной способностью к мозговой работе в области шахмат. <...> Ни у кого из маэстро нет, пожалуй, такой законченности во всех стадиях игры, как у Алехина».

А вот мнения об Алехине других гроссмейстеров.

Эм. Ласкер: «Алехин вырос из комбинации, он влюблен в нее. Все стратегическое для него только подготовка, почти необходимое зло. Ошеломляющий удар, неожиданные *pointes*¹ — вот его стихия».

С. Тартаковер: «И если Морфи был поэтом шахмат, Стейниц — бойцом, Ласкер — философом, Капабланка — чудо-механиком, то Алехин, согласно русскому вечно мятежному и самобичующему духу, все больше сказывается как искатель шахматной правды. <...> У Капабланки титул, у Ласкера результаты, но только у Алехина стиль настоящего чемпиона мира».

Р. Рети: «Алехин по натуре также художник, но он обуздывает свою фантазию острым интеллектом. Он ищет победы не ради победы, но как доказательство истинности своих идей. Он идет сознательно по тому пути, по которому хочет идти, по пути познания и совершенствования».

М. Эйве: «Когда я думаю о том, какие творческие идеи вкладывал подчас Алехин в доигрываемые позиции, какие неожиданные пути он находил, я проникаюсь величайшим восхищением перед мастерством Алехина».

¹ Пуанта комбинации (*франц. pointe*) — самый тонкий и скрытый ход (вершина, «гвоздь») комбинации в этюде. В этом же смысле термин используется в практической партии.

М. М. Ботвинник: «Безусловно, силой Алехина было удачное сочетание практического и творческого элементов, но Алехин дорог шахматному миру главным образом как художник. Он блестяще владел техникой шахмат — ведь без техники и мастерство невозможно. Глубина планов, далекий расчет, неистощимая выдумка характерны для Алехина. Однако главной его силой, развивающейся год от года, было комбинационное зрение: он видел комбинации, рассчитывал форсированные варианты с жертвами с большой легкостью и точностью. <...> Многие шахматные произведения Александра Алехина, крупнейшего шахматного художника недавнего прошлого, будут жить века. Разыгрывая алехинские партии, шахматисты грядущих поколений будут получать истинное эстетическое удовольствие и удивляться мощи его гения».

Г. Я. Левенфиш: «На мой взгляд, Алехин является феноменом, единственным в истории шахмат».

Сам Алехин говорил, что всего в своей жизни сыграл около 3000 серьезных партий с часами. В матчах и турнирах он сыграл 1272 партии, выиграв 741 и сведя к ничьей 127 партий. Он принял участие в 88 турнирах, в 63 из которых получил первый приз. Из 24 матчей, в том числе 5 на звание чемпиона мира, выиграл 18, а 4 сыграл вничью. Многие из партий, сыгранных Александром Алехиным, отмечались специальными призами за красоту.

Вполне вероятно, что в свое время Эм. Ласкер и Капабланка были правы, предсказывая шахматам скорую смерть и вырождение. Но никто из них не мог тогда предугадать, что именно Алехину суждено оживить древнюю игру и указать на богатство ее

возможностей. С. Флор уподоблял историю международных шахматных соревнований полноводной реке, которая у истоков «была едва заметным маленьким ручейком». Сравнивая место и значение шахмат в XX и XXI вв., можно утверждать, что именно благодаря Алехину, его школе, его примеру и его личности интерес самой широкой публики к шахматам в XX в. оставался неизменно и небывало высоким. Да, конечно, в СССР, США, а также в некоторых странах Европы шахматы имели всестороннюю поддержку, вплоть до государственной. Но не будь Алехина с его удивительной и неподражаемой игрой, с его харизмой и обаянием, с его умением превращать каждую шахматную партию в произведение искусства, в захватывающее действие, не будь этого импульса и вдохновляющего начала — кто знает, сохранялся бы интерес к шахматам на том же уровне...

Ныне река, о которой писал Флор, заметно обмелела. Ни в одной стране уже не следят за шахматными соревнованиями с тем же волнением, с той же страстью, как еще 40 или 30 лет назад. И не потому ли, что инерция алехинского обаяния постепенно иссякла, а новый, равный ему гений, способный вдохновить мир к познанию неизученных шахматных пространств и покорению неосвоенных вершин, пока не явил себя человечеству?..

Но мы не склонны идеализировать образ нашего героя, стремясь, напротив, лучше понять мотивы многих его деяний и разобраться в противоречивой его натуре. Известно, что он был человеком сложным, и далеко не всегда поступки его, в отличие от его игры, заслуживали приза за красоту. О че-

ловеческих качествах Алехина сохранились весьма разноголосые свидетельства. «Алехин был человек неожиданностей — и в жизни, и на шахматной доске», — отзывался о нем С. Флор. А. Лилиенталь написал в книге воспоминаний, что сохранил «об Алехине впечатления самые наилучшие. Я у него часто бывал дома. Он устраивал своеобразные шахматные приемы. Независимо от того, какой шахматный ранг носил его гость, он охотно делился с ним дебютными анализами, исследовал различные позиции. Однажды в «Пале-Рояль» должен был быть интересный блиц-турнир. Я очень хотел играть, но по-прежнему мешали хронические финансовые затруднения. Узнав об этом, Алехин сделал за меня взнос. Конечно, на деньги чемпиона мира я чувствовал себя обязанным играть хорошо. Мне это удалось, и я занял первое место. Когда получив приз, я хотел вернуть Алехину долг, он ответил: «Это успеется. Вернете, когда станете мастером». М. Эйве, дважды игравший с Алехиным за титул чемпиона мира, поделился с А. А. Котовым своим восприятием русского шахматиста: «Как человек Алехин был загадкой. <...> За шахматной доской он был велик, вне шахмат, напротив, он походил на мальчишку, который напраказил и по своей наивности полагает, что его никто не видит».

Австрийский гроссмейстер Э. Грюнфельд уверял, что в личном плане Алехин был человеком очень симпатичным, более того, «пользовался всеобщей любовью, всегда готов был дать совет своим товарищам, не скупясь поделиться своими знаниями и опытом. О нем не всегда писали только хорошее, но факт, что

Алехин был отзывчивой, чуткой натурой». Британский журналист Э. Тинсли, один из сыновей шахматиста мастера С. Тинсли, отмечал, что Алехина напрасно считают «холодным отшельником». Будучи лично знаком с Алехиным, Тинсли уверял, что был «он очень общительный и дружелюбный человек». Также лично знакомый с Алехиным и даже приятельствовавший с ним Л. Д. Любимов — русский эмигрант, журналист и писатель, после войны вернувшийся в СССР — отзывался об Алехине как о человеке чрезвычайно высокого о себе мнения, уверенного, что ему открыты любые дороги. Но во Франции им почти никто не интересовался, поскольку французы в то время были равнодушны к шахматам, и популярностью Алехин не пользовался. Он жил как рядовой обыватель, «томился, завидовал, вызывал у близких даже беспокойство частыми ссылками на... Наполеона, которому, мол, не в пример «некоторым», сами события подготовили путь к славе. Одно время подумывал перебраться в США. Затем что-то оборвалось в нем, и он стал попивать. В пьяном угаре проиграл «шахматную корону» Эйве, затем, взяв себя в руки, вновь отвоевал ее, но запил снова...» Любимов вспоминал, что в речи и даже манерах Алехина всегда проглядывало какое-то раздражение. Точно что-то постоянно его томило и не устраивало, точно он был вечно недоволен собой и происходящим вокруг. Любимов считал его надломленным человеком, лишившимся с некоторых пор внутренней опоры. Наблюдение это весьма интересное, могущее многое объяснить в поступках Алехина, за которые люди, плохо знавшие шахматного короля, нередко спешили его осудить. В этой связи уместно